

14. НЕСВИЖСКИЙ ДВОРЕЦ

«СТОЙ! РАБОТАЕТ КРАН!» — ПРЕДУПРЕДИЛА МЕНЯ ЗАХУДАЛАЯ ТАБЛИЧКА, А ПЕСТРАЯ ЛЕНТОЧКА ПРЕГРАДИЛА ПУТЬ. НО Я НЕ ОСТАНОВИЛСЯ. ПОТОМУ ЧТО КРАН В НЕСВИЖСКОМ ЗАМКЕ ОТСУТСТВОВАЛ. ЛЕНТОЧКУ УВЕРЕННО ПРИПОДНЯЛ И ШАГНУЛ ПОД НЕЕ МОЙ ГИД И ТЕЗКА, ПРОРАБ АНАТОЛИЙ ОСИПОВИЧ.

Через сводчатую браму мы покинули внутренний двор радзивилловского дворца, вышли к валу — и взору открылась стройка. Под дворцовыми стенами, в штабелях и ворохом, как солома, лежали доски, рейки, бревна. На видном месте стоял деревянный туалет.

Молодые ребята во всевозможных одеждах несли то длинную палку, то тяжелый мешок с цементом, то ведро со щебенкой. Так муравьи тащат в свой дом стройматериал и пропитание. На фоне громадины-дворца люди и казались муравьями. С поклажей они исчезали в черном зеве дозорной башни, названной когда-то: каменица.

У стен дворца толстым слоем навалили желтого песка. В привозном «бархане» вязли ноги, он казался нелепым здесь, где, я помнил, была отшлифованная временем брусчатка.

-- На песок уложим рельсы для башенного крана, -- растолковал прораб. -- Без него не можем смонтировать верхушку башни: купол, шпиль, шар, флюгер. Как у Радзивиллов, как на рисунках Наполеона Орды. Детали сделали в Минске, на нашем предприятии «Стройэнерго». Покрыли золотом, чтобы стояли на века.

-- Как доставите сюда кран? Мост через канал у главных ворот замка — аварийный. Люди по мосту ходят, не боятся красных тряпок, рискуют, а кран-то — тяжелый...

-- Мост — не проблема. С другой стороны замка, от озера, есть подъезд. Проблема в том, что за кран заказчик не перечисляет нам деньги. Без крана нет работы. На объекте осталось всего шесть человек. Мы здесь — в командировке.

-- После монтажа башни вы продолжите реконструкцию дворца?

-- Мой объект — каменица. Кто и чем займется здесь дальше, не знаю. Никто не знает. Сверхсложных строительных задач не вижу. Здесь должен работать специальный трест с полной оснасткой. На реконструкции дворца можно задействовать одновременно тысячу человек. Но надо знать, что и для чего делать. Нужны деньги. А без этого — долгострой. Видите, сняли со стен штукатурку, насверлили отверстий — и бросили, пусть дворец гниет, разваливается. Они сделали бы так на своей даче? Нет, заделали бы каждую дырочку. По-хозяйски!

Чтобы возродить четырехсотлетний дворец в первоначальном облике, необходимо очистить его от позднейших напластований в виде штукатурки либо краски. Чтобы определить и запланировать финансовые затраты на

реконструкцию, надо точно знать физическое состояние здания от кровли до фундамента. Это называют изыскательскими работами.

Рабочие берут отбойные молотки, зубила, стамески, начинают скрести и долбить стены. То, что оставляют после себя рабочие, называют загадочно: зондаж. Оставляют рабочие следующее: обнаженную кирпичную кладку, ямы и дырки в стенах, щели в неснятой штукатурке, разбитую лепнину...

Зондаж -- печальная картина разрухи, шесть лет творимая белорусами на стенах и фасадах дворца Радзивиллов.

Предыдущий раз я был здесь в июне 2000 года, показывал нашу национальную гордость гостям из США. Американцев поразила уникальность дворцово-замкового комплекса, обратили они внимание на зондаж: почему не заштукатурили? Я пояснил, что без зондажа не обойтись и что, само собой разумеется, дыры в стенах временно, до начала капитального ремонта, законсервируют.

Сегодня я постыдился бы везти американцев в Несвиж. Зондаж не зашпаклевали. Добавили в стенах шрамов, безжалостно оголили беззащитный дворец небесам.

Под воздействием влаги, мороза, тепла локальные раны трансформировались в широкие трещины, длинные разломы. На очищенных от штукатурки стеновых стыках и выступах кирпичи, выстоявшие четыреста лет, шатаются, крошатся, сыплются. За зиму могут отслоиться крупные фрагменты стен, а весной -- рухнуть.

Ощущение такое, что дворцовый конгломерат зданий плавает, вот-вот начнет распадаться на части, давить шестерых командированных муравьев, а заодно детей, приведенных сюда на жуткую экскурсию по бесхозяйственности.

Зондажами изыскатели обнажили собственное безразличие к белорусской жемчужине, как называют дворец Радзивиллов. Над своим домом они так не надругались бы, прав прораб-строитель, толковый мужик. Коль для ремонта необходим зондаж и коль последствия его разрушительны, то необходима технология обязательной консервации зондажа. Кошунственно, непрофессионально, если таковая не предусматривалась проектом, сметой.

В Несвиже я заглянул к заместителю директора Национального историко-культурного музея-заповедника «Несвиж» Зое Лабковской, чтобы спросить о настроении в связи с началом долгожданной реконструкции радзивилловской усадьбы. Она улыбнулась простому вопросу и ответила, что «настроение пока оптимистичное». Тут же спохватилась, добавила: «Если в 2004 году начнутся работы на первом пусковом комплексе, если будет финансирование...»

Лабковская не сказала, что в 2004 году правительственная программа обещала завершить первый пусковой комплекс -- западный и северный корпуса. Пока эти корпуса только осквернены зондажами.

Планировалось полностью закончить реставрацию дворца к 2006 году. Сейчас определен «уточненный» срок -- 2007 год. Наши чиновники --

законченные шутники. Сегодня реконструкция, по их плану, должна быть в полном разгаре, но еще не найдена строительная организация, достойная ответственного заказа.

«Надо срочно заделывать зондажи», -- сказала мне Лабковская, словно угадав мой второй вопрос.

Тут и возникает догадка об отсутствии в проекте надежной технологии заделки. Заместительница директора стала вроде советоваться со мной, чем замазать дырки и трещины в стенах дворца, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение. «Обычная строительная известка подойдет?» -- спросила она меня, будто я главный инженер. А я ведь не знаю. Я предполагаю, что Лабковская растревожилась зондажами, когда увидела во дворце реальный призрак долгостроя.

Если бы дворец был моим домом, то для замазки я взял бы на рынке что-нибудь импортное. Чтобы не отвалилась часть выложенной заново стены, как случилось в Лидском замке. Наружный слой кирпичной кладки, разрушенной зондажами и дождями, придется перекладывать и здесь. Как приклеить, чтобы не отстало? Учтено ли проектом? Хватит ли запланированных 67 миллиардов рублей, если предстоят неучтенные расходы?

О том, почему оперативно не заделываются зондажи, я хотел спросить у человека, который руководит исследовательскими работами. Его зовут Сергей Друщиц, живет он в Минске. Позвонив ему по телефону, чтобы условиться о беседе, я встретил бурное сопротивление: «Сегодня -- понедельник! Нет ясности! Нет времени! Надо работать, а не шуметь! А какие у вас вопросы?!»

Услышав о зондажах, Друщиц парировал с гневом, словно его оскорбили: «Я их не делаю! Это не мой вопрос. Спросите у тех, кто делал зондажи!»

Нервная реакция научного руководителя проекта реставрации на сугубо конкретный вопрос наводит меня на горькую мысль, что вся несвижская затея недодумана, легковесна.

С Друщицем встречаться не было нужды. Специалисты, которые предпочитают кочевряжиться перед журналистом, редко бывают по-деловому информативны, реалистичны. Мне достаточно той информации, которую они выдают своим поведением. Сергей Друщиц останется для меня привидением оптимизма. В декабре 2002 года мотивированную тревогу журналиста газеты «Советская Белоруссия» Светланы Лицкевич о разрушениях в бесхозном дворце он пресек классической фразой: «Не стоит сгущать краски».

Я не прокурор, а публицист. Для меня не столь важно, кто конкретно чертил зондажи на бумаге, кто изрыл ими стены, кто забыл (или не захотел) их добросовестно закрыть. Я фиксирую хронику: в Несвиже подхалтурили наши специалисты. Они, как заверил Друщиц упомянутую газету, готовы работать «с огромным воодушевлением», и «нам не придется приглашать ни турок, ни поляков, ни кого бы то ни было еще».

Сие верно, ибо патриотично. Следовательно, фасадную краску для дворца патриотичнее было бы применить отечественную, чтобы ежегодно облезала, чтобы периодически перекрашивать стены, тем самым бороться с безработицей в Несвиже.

Возрождение Несвижского дворца ведется с традиционным головотяпством. Потому реконструкция важнейшего объекта страны, практически не начавшись, превращается в бесконечность.

История подарила нам шедевр архитектурного искусства. Сегодня вокруг него творится история паскудства, которую по очереди охраняют четыре сторожа. Представьте себя одинокого (одинокую) ночью в темном здании, где отключено электричество, в трубах и батареях исправного парового отопления что-то скребется, в пустых залах скользят тени привидений, фигуры призраков, по двору крадутся воры...

После выселения санатория воровства во дворце пока не замечено. Все окна целы. Все отверстия и отдушины забиты. На всех дверях висят маленькие замочки.

Каменный дворец заложен князем Николаем Радзивиллом Сироткой в 1583 году на месте сгоревшего деревянного здания. В XII—XIII веках здесь, на крутой горе на берегу реки Уша, располагалось городище Несвижа, сердце любого древнего поселения.

Радзивиллы свили гнездо в безопасном и почетном месте. Ими руководили феодальные амбиции и инстинкт самосохранения. Благодаря чему Несвиж в XVII—XVIII веках стал одним из культурных центров Европы, а нынешние белорусы получили жемчужину, к которой равнодушны по причине ее чужеродности в контексте тутошней серой жизни в низеньких черных хатах.

До наших дней во дворце, на потолке над парадной лестницей, чудом сохранилась подлинная радзивилловская забава — картина «Богиня Леда и шесть амуров». Поднимаясь по роскошной лестнице, обитатели и гости дворца наверняка любовались мифологическим сюжетом над головой, чувствовали связь с миром, с Возрождением, с Реформацией, еще выше поднимались в собственном величии.

Слугам, сновавшим по лестнице, было не до эротичной Леды, которая, по греческому мифу, соединилась с Зевсом в образе лебедя и родила яйцо, давшее жизнь еще одной богине. Слуги демонстрировали свое искусство — быстрее, ловчее, красивее, преданнее услужить. Если бы они глазели на Леду, их бы уволили. Но поскольку Леда была обнажена и красива, занимала пространство, она сковывала внимание и действия, отвлекая от работы и угрожая потерей жалования.

Слуги невольно невзлюбили эту Леду. Что и подтвердили в декабре 2002 года, когда ремонтировали над Ледой чердак и по холопской беспечности подожгли его, а приехавшие пожарные залили водой перекрытия, Леду, уникальные деревянные потолки.

Сейчас потолки подперты бревнами, чтобы не обрушились. Строительные леса сооружены и под Ледой, она просохла, сделалась менее эротичной. Картина требует немедленной реставрации, иначе пропадет. Как наши спецы намерены спасти Леду — на месте или увезут?

Окончательного решения нет. Если картину реставрировать на потолке, то как сохранить ее на период реконструкции главного корпуса, когда здание будет надолго вскрыто? Если увозить, то как снять, чтобы не уничтожить? Ее даже оккупанты-фашисты не смогли отодрать от потолка, от дворца, от нашей истории.

Умиряющая богиня Леда, закрытая от глаз грубыми досками, вопиет о том, что в Беларуси ушли в песок и Возрождение, и Реформация. Две эпохи явились сюда из Европы почти одновременно. Миф о богине Леде стал для Возрождения популярной темой искусства. Чтобы не отстать от Европы, Радзивиллы нарисовали Леду. Она потребовалась им как личный нимб, подтверждающий их богоподобие.

Реформация больше взбудоражила магнатов, чем широкие массы ВКЛ. Магнаты были озабочены захватом церковных земель, дележом власти на местах, упрочением собственного могущества, влияния на все стороны жизни общества. Из поднебесного месторасположения Радзивиллов берут начало их политические и духовные искания, их картинные коллекции, библиотеки, театры, их причуды, интриги, меценатство, бурбонство, а также -- отчужденность белорусов от радзивилловского наследия.

Замок в Несвиже не стал материализованным символом общенационального умения и упорства, как, например, вельможные замки в Англии, плотины в Нидерландах, ирригационные системы в Испании, террасные поля в Италии либо Армении...

Радзивилловский бастион в народном сознании -- символ власти, гнета, утечи правителей. Крестьянин, поздней осенью шинкующий на зиму капусту, четыреста лет думает не о красоте дворца по ту сторону озера, а о том, сколько положить соли, моркови и тмина, чтобы капуста удалась и прокормила семью. Летом он волнуется о картошке, а зимой -- о лете. Дворец приблизился бы к народу вплотную в виде развалин, откуда можно ломом выбивать кирпич для хозяйства.

За полвека эксплуатации дворца санаторием (1945-2001 гг.) отдыхающие отвинтили, отколушнули, отрезали, отломали и унесли множество мелких деталей из конструкции и убранства помещений. Физически приобщились к Возрождению и Реформации в качестве гробовщиков. Призывать, умолять их скинуться на ремонт дворца, как предлагают романтики и патриоты, бессмысленно.

Было бы рациональнее попросить вернуть радзивилловские вещицы. За деньги, разумеется. За так никто не принесет, каждый считает ту вещицу личной собственностью. Вряд ли за пустое белорусское спасибо вернутся во дворец ценнейшие вещи, увезенные отсюда шведами, немцами, поляками, русскими. А без тех вещей отремонтированный дворец нечем будет обставить.

Несвижский замок -- амбициозный объект белорусской истории, связанный с конкретными владельцами, потомки которых проявляют генетический интерес к родовому гнезду. В середине девяностых годов прошлого века князь Антоний Радзивилл побывал на исторической родине, умилился проектами ее возрождения, учредил международный фонд

«Несвиж». Прискорбно, князь не дождался реконструкции. Он умер на чужбине в 1999 году, завещав похоронить его прах в родовой усыпальнице, расположенной в подвалах несвижского костела. Что и было совершено в июне 2000 года.

Международный фонд «Несвиж» возглавляет сейчас сын Антония -- князь Мартин Радзивилл. Он, несомненно, чтит родину предков, однако избыточная валюта из его фонда на реставрацию замка не поступает. Радзивиллы и их финансовые партнеры, судя по всему, остерегаются вкладывать средства в «общенародную собственность». Они не понимают, что это такое.

Народ как собственник бережет украденную в замке мелочишку, а несвижский комплекс бережет его владелец либо, на худой конец, ответственный арендатор. Санаторий, размещенный во дворце, немало ему навредил внутренней перепланировкой и косметическими ремонтами. Однако санаторий выполнил историческую миссию -- спас дворец в целом, поддерживая его жизнедеятельность. Не будь здесь санатория, мы увидели бы в Несвиже то, что наблюдали за тридцать километров отсюда, в Мире, -- развалины. Четверть столетия идет «поэтапная реконструкция» Мирского замка, а конца ее не видать.

Радзивиллы как наследственные владельцы могли бы спасти замок, если бы получили его в собственность. Но это -- утопия. Есть версия, что в замке разместится одна из резиденций президента Лукашенко. И это -- реально.

Замок в Несвиже -- внушительный символ непреходящей власти. Правящая верхушка Беларуси интуитивно видит в Радзивиллах соперников. Чувство соперничества, с одной стороны, долгое время сдерживало и продолжает сдерживать наших властителей от ремонта радзивилловского дома. С другой стороны, им хочется в этом доме поселиться, не просто так в 1945-м они разместили тут санаторий своей «лечкомиссии» (колхозная здравница появилась позже).

Александр Лукашенко издал указ о реконструкции Несвижского замка 2 января 1997 года. И не стоит оппозиционной прессе клеймить его позором за желание пожить в доме Радзивиллов. А подручным президента не надо рьяно опровергать его мечты. Все-таки в замке жить лучше, чем в поселке Копысь, пусть даже недавно реставрированном.

Выгоднее всемерно поощрять нормальное честолюбие каждого человека, вплоть до президента, если оно обернется всеобщей пользой. Наш президент -- не собственник, однако у него есть настойчивый характер, административный ресурс и президентский фонд. Посмотрите, как ловко он разделался с известными белорусскими долгостроями -- Дворцом Республики, минским железнодорожным вокзалом, минской кольцевой автодорогой, могилевским мостом, гомельским научно-медицинским центром, газификацией Полесья.

В 2005 году, к началу избирательной кампании на третий президентский срок, Александр Лукашенко сдаст в эксплуатацию Национальную библиотеку и все свои силы может бросить на реконструкцию Несвижского замка. Обязательно бросит! Третий срок -- дело нешуточное, нужен

сногосшибательный пиар, то есть триумфальное завершение несвижского долгостроя.

Лукашенко хочется войти в энциклопедию не геростратом Беларуси, а ее рафаэлем. Он поторопится завершить долгострой в Несвиже еще и по той человеческой причине, что до 2011 года надо насладиться жизнью в княжеских апартаментах.

Что будет после 2011 года, рано загадывать. Если к тому времени у нас появится новый президент, если ему тоже понравятся указанные апартаменты, то можно прогнать, это народ умеет.

Но я думаю, что второй президент не поселится в Несвиже. Во-первых, Несвиж далековато от столицы, каждый день не налетаешься. Во-вторых, к тому времени у нас появится чуть больше демократии. В-третьих, тот президент ничем не будет отличаться от теперешнего, а чтобы как-то контрастировать, он отдаст дворец народу: на, любуйся, наслаждайся как можешь!

Несвижский замок создавался для персонифицированного наслаждения. Его спасет тот, кто хочет и умеет наслаждаться. Пока не решена проблема будущего владения и использования дворцово-замкового комплекса, не решится и проблема срочного финансирования его ремонта.

Прораб-строитель Анатолий Осипович расчетлив: надо знать, что и для чего тут делать. Чем занять огромные площади дворца, чтобы он доставлял наслаждение, тщательно охранялся, не разрушался, давал прибыль? Чтобы в представительских залах устраивать государственные приемы президентам ведущих стран. Чтобы к шедеврам искусства, собранным здесь, стремились белорусы и туристы всего мира. Чтобы в Несвиже они отдохнули душой и телом, оставили деньги, зарядились красотой и гордостью. Подчеркиваю: в захолустном Несвиже, где в трех магазинах я не обнаружил маленькой бутылочки с минеральной водой и взял ненужную мне двухлитровую. Где нет не только минералки (и пива) пятидесяти наименований, но и мотелей, кемпингов, баров, казино, бассейнов, аттракционов, катаний на запряженных медведях или на санях летом по рассыпанной на дорогах соли, что практиковал Пана Коханку...

Несвижский замок -- только прошлое. Возгордиться замком белорусам уместнее тогда, когда он даст начало будущему.

Пока шесть амуров оцепенели вокруг подурневшей Леды, работают шесть муравьев. Они не боятся призрака, поселившегося во дворце. Имя ему, как вы уже догадались, -- долгострой. Будем надеяться, наши смелые муравьи вскоре затащат на каменицу позолоченные шпиль, шар и флюгер с гербом Радзивиллов. Сотворят вид. Издалека будет заметно, что в замке нечто произошло.

И на том силы шестерых муравьев иссякнут. Внутри дозорной башни останутся обшарпанные стены, шаткие ступени, копоть от пожара, голубиный помет, запустение, умирание. Муравьи живут и работают общественной

массой, в одиночку они не жизнеспособны. Шестеро муравьев -- это как ничто. Если они муравьи, а не люди.

С удивлением и надеждой наблюдаю: в центральном дворцовом дворе, недавно освобожденном от высоких деревьев и ставшим похожим на площадь, появился еще один муравей. Седьмой, значит. Он женского пола. Мурашка с большим ведром. Попросила у шестерых муравьев строительного щебня, с трудом притащила в ведре. Засыпала ямку перед центральным фасадом, где недавно толпились на экскурсии школьники, притоптала, заровняла. Пошла за вторым ведром щебенки, чтобы засыпать еще одну ямку...

Фиксирую для истории: в ноябре 2003 года дворцовую площадь Несвижского замка поддерживает в приличии и чистоте, оберегает на совесть дворник Софья Александровна Азарко.

2003

www.kamunikat.org